

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ
♦ ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ ♦

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА

Книги Александра Беяева

Александр Беяев

Остров погибших кораблей

«Издательский Дом Мещерякова»

1926

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Беляев А. Р.

Остров погибших кораблей / А. Р. Беляев — «Издательский Дом Мещерякова», 1926 — (Книги Александра Беляева)

ISBN 978-5-00108-726-7

Трансатлантический лайнер «Вениамин Франклин» отправляется из Генуи в Нью-Йорк. Во время шторма судно начинает тонуть. Лайнер с тремя пассажирами остаётся на плаву, пока течение не заносит его в Саргассово море, к загадочному острову. Острову, образовавшемуся из занесённых сюда на протяжении многих веков останков кораблей.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00108-726-7

© Беляев А. Р., 1926

© Издательский Дом
Мещерякова, 1926

Содержание

Часть первая	5
На палубе	5
Бурная ночь	9
В водной пустыне	14
Саргассово море	16
В царстве мёртвых	19
Часть вторая	22
Тихая пристань	22
Обитатели островка	26
Губернатор Фергус Слейтон	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Романович Беляев

Остров Погибших Кораблей

Роман

Часть первая

На палубе

Большой трансатлантический пароход «Вениамин Франклин» стоял в генуэзской гавани, готовый к отплытию. На берегу была обычная суета, слышались крики разноязычной, пёстрой толпы, а на пароходе уже наступил момент той напряжённой, нервной тишины, которая невольно охватывает людей перед далёким путешествием. Только на палубе третьего класса пассажиры суетливо «делили тесноту», размещаясь и укладывая пожитки. Публика первого класса с высоты своей палубы молча наблюдала этот людской муравейник.

Потрясая воздух, пароход проревел в последний раз. Матросы спешно начали поднимать трап.

В этот момент на трап быстро взошли два человека. Тот, который следовал сзади, сделал матросам какой-то знак рукой, и они опустили трап.

Опоздавшие пассажиры вошли на палубу. Хорошо одетый, стройный и широкоплечий молодой человек, заложив руки в карманы широкого пальто, быстро зашагал по направлению к каютам. Его гладко выбритое лицо было совершенно спокойно. Однако наблюдательный человек по сдвинутым бровям незнакомца и лёгкой иронической улыбке мог бы заметить, что это спокойствие деланное. Вслед за ним, не отставая ни на шаг, шёл толстенький человек средних лет. Котелок его был сдвинут на затылок. Потное, помятое лицо его выражало одновременно усталость, удовольствие и напряжённое внимание, как у кошки, которая тащит в зубах мышь. Он ни на секунду не спускал глаз со своего спутника.

На палубе парохода, недалеко от трапа, стояла молодая девушка в белом платье. На мгновение её глаза встретились с глазами опоздавшего пассажира, который шёл впереди.

Когда прошла эта странная пара, девушка в белом платье, мисс Кингман, услышала, как матрос, убиравший трап, сказал своему товарищу, кивнув в сторону удалившихся пассажиров:

– Видал? Старый знакомый Джим Симпкинс, нью-йоркский сыщик, поймал какого-то молодчика.

– Симпкинс? – ответил другой матрос. – Этот по мелкой дичи не охотится.

– Да, гляди, как одет. Какой-нибудь специалист по части банковских сейфов, если не хуже того.

Мисс Кингман стало жутко. На одном пароходе с нею будет ехать весь путь до Нью-Йорка преступник, быть может убийца. До сих пор она видала только в газетах портреты этих таинственных и страшных людей.

Мисс Кингман поспешно взошла на верхнюю палубу. Здесь, среди людей своего круга, в этом месте, недоступном обыкновенным смертным, она чувствовала себя в относительной безопасности. Откинувшись на удобном плетёном кресле, мисс Кингман погрузилась в бездельное созерцание – лучший дар морских путешествий для нервов, утомлённых городской суетой. Тент прикрывал её голову от горячих лучей солнца. Над нею тихо покачивались листья пальм, стоявших в широких кадках между креслами. Откуда-то сбоку доносился ароматический запах дорогого табака.

– Преступник. Кто бы мог подумать? – прошептала мисс Кингман, всё ещё вспоминая о встрече у трапа. И, чтобы окончательно отделаться от неприятного впечатления, она вынула маленький изящный портсигар из слоновой кости, японской работы, с вырезанными на крышке цветами, и закурила египетскую сигаретку. Синяя струйка дыма потянулась вверх к пальмовым листьям.

Пароход отходил, осторожно выбираясь из гавани. Казалось, будто пароход стоит на месте, а передвигаются окружающие декорации при помощи вращающейся сцены. Вот вся Генуя повернулась к борту парохода, как бы желая показаться отъезжающим в последний раз. Белые дома сбегали с гор и теснились у прибрежной полосы, как стадо овец у водопоя. А над ними высились жёлто-коричневые вершины с зелёными пятнами садов и пиний. Но вот кто-то повернул декорацию. Открылся угол залива – голубая зеркальная поверхность с кристальной прозрачностью воды. Белые яхты, казалось, были погружены в кусок голубого неба, упавший на землю, – так ясно были видны все линии судна сквозь прозрачную воду. Бесконечные стаи рыб шныряли меж желтоватых камней и коротких водорослей на белом песчаном дне. Постепенно вода становилась всё синее, пока не скрыла дна...

– Как вам понравилась, мисс, ваша каюта?

Мисс Кингман оглянулась. Перед ней стоял капитан, который включил в круг своих обязанностей оказывать любезное внимание самым «дорогим» пассажирам.

– Благодарю вас, мистер...

– Браун.

– Мистер Браун, отлично. Мы зайдём в Марсель?

– Нью-Йорк – первая остановка. Впрочем, может быть, мы задержимся на несколько часов в Гибралтаре. Вам хотелось побывать в Марселе?

– О нет, – поспешно и даже с испугом проговорила мисс Кингман. – Мне смертельно надоела Европа. – И, помолчав, она спросила: – Скажите, капитан, у нас на пароходе... имеется преступник?

– Какой преступник?

– Какой-то арестованный...

– Возможно, что их даже несколько. Обычная вещь. Ведь эта публика имеет обыкновение удирать от европейского правосудия в Америку, а от американского – в Европу. Но сыщики выслеживают их и доставляют на родину этих заблудших овец. В их присутствии на пароходе нет ничего опасного – вы можете быть совершенно спокойны. Их проводят без кандалов только для того, чтобы не обращать внимания публики. Но в каюте им тотчас надевают ручные кандалы и приковывают к койкам.

– Но ведь это ужасно! – проговорила мисс Кингман.

Капитан пожал плечами.

Ни капитан, ни даже сама мисс Кингман не поняли того смутного чувства, которое вызвало это восклицание. Ужасно, что людей, как диких животных, приковывают на цепь. Так думал капитан, хотя и находил это разумной мерой предосторожности.

Ужасно, что этот молодой человек, так мало похожий на преступника и ничем не отличающийся от людей её круга, будет всю дорогу сидеть скованным в душной каюте. Вот та смутная подсознательная мысль, которая взволновала мисс Кингман.

И, сильно затянувшись сигаретой, она погрузилась в молчание.

Капитан незаметно отошёл от мисс Кингман. Свежий морской ветер играл концом белого шёлкового шарфа и её каштановыми локонами.

Даже сюда, за несколько миль от гавани, доносился аромат цветущих магнолий, как последний привет генуэзского берега. Гигантский пароход неумоимо разрезал голубую поверхность, оставляя за собой далёкий волнистый след. А волны-стежки спешили заштопать рубец, образовавшийся на шёлковой морской глади.

Бурная ночь

– Шах королю. Шах и мат.

– О, чтоб вас акула проглотила! Вы мастерски играете, мистер Гатлинг, – сказал знаменитый нью-йоркский сыщик Джим Симпкинс и досадливо почесал за правым ухом. – Да, вы играете отлично, – продолжал он. – А я всё же играю лучше вас. Вы обыграли меня в шахматы, зато какой великолепный шах и мат устроил я вам, Гатлинг, там, в Генуе, когда вы, как шахматный король, отсиживались в самой дальней клетке разрушенного дома! Вы хотели укрыться от меня! Напрасно! Джим Симпкинс найдёт на дне моря. Вот вам шах и мат. – И, самодовольно откинувшись, он закурил сигару.

Реджинальд Гатлинг пожал плечами.

– У вас было слишком много пешек. Вы подняли на ноги всю генуэзскую полицию и вели правильную осаду. Ни один шахматист не выиграет партии, имея на руках одну фигуру короля против всех фигур противника. И, кроме того, мистер Джим Симпкинс, наша партия ещё... не кончена.

– Вы полагаете? Эта цепочка ещё не убедила вас? – И сыщик потрогал лёгкую, но прочную цепь, которой Гатлинг был прикован за левую руку к металлическому стержню койки.

– Вы наивны, как многие гениальные люди. Разве цепи – логическое доказательство? Впрочем, не будем вдаваться в философию.

– И возобновим игру. Я требую реванша, – докончил Симпкинс.

– Едва ли это удастся нам. Качка усиливается и может смешать фигуры, прежде чем мы кончим игру.

– Это как прикажете понимать, тоже в переносном смысле? – спросил Симпкинс, расставляя фигуры.

– Как вам будет угодно.

– Да, качает основательно. – И он сделал ход.

В каюте было душно и жарко. Она помещалась ниже ватерлинии, недалеко от машинного отделения, которое, как мощное сердце, сотрясало стены ближних кают и наполняло их ритмическим шумом. Игроки погрузились в молчание, стараясь сохранить равновесие шахматной доски.

Качка усиливалась. Буря разыгрывалась не на шутку. Пароход ложился на левый бок, медленно поднимался. Опять... Ещё... Как пьяный...

Шахматы полетели. Симпкинс упал на пол. Гатлинга удержала цепь, но она больно рванула его руку у кисти, где был «браслет».

Симпкинс выругался и уселся на полу.

– Здесь устойчивей. Знаете, Гатлинг, мне нехорошо... того... морская болезнь. Никогда я ещё не переносил такой дьявольской качки. Я лягу. Но... вы не сбежите, если мне станет худо?

– Непременно, – ответил Гатлинг, укладываясь на койке. – Порву цепочку и сбегу... брошусь в волны. Предпочитаю общество акул...

– Вы шутите, Гатлинг. – Симпкинс ползком добрался до койки и, охая, улёгся.

Не успел он вытянуться, как вновь был сброшен с кровати страшным толчком, потрясшим весь пароход. Где-то трещало, звенело, шумело, гудело. Сверху доносились крики и топот ног, и, заглушая весь этот разноголосый шум, вдруг тревожно загудела сирена, давая сигнал: «Всем вверх!»

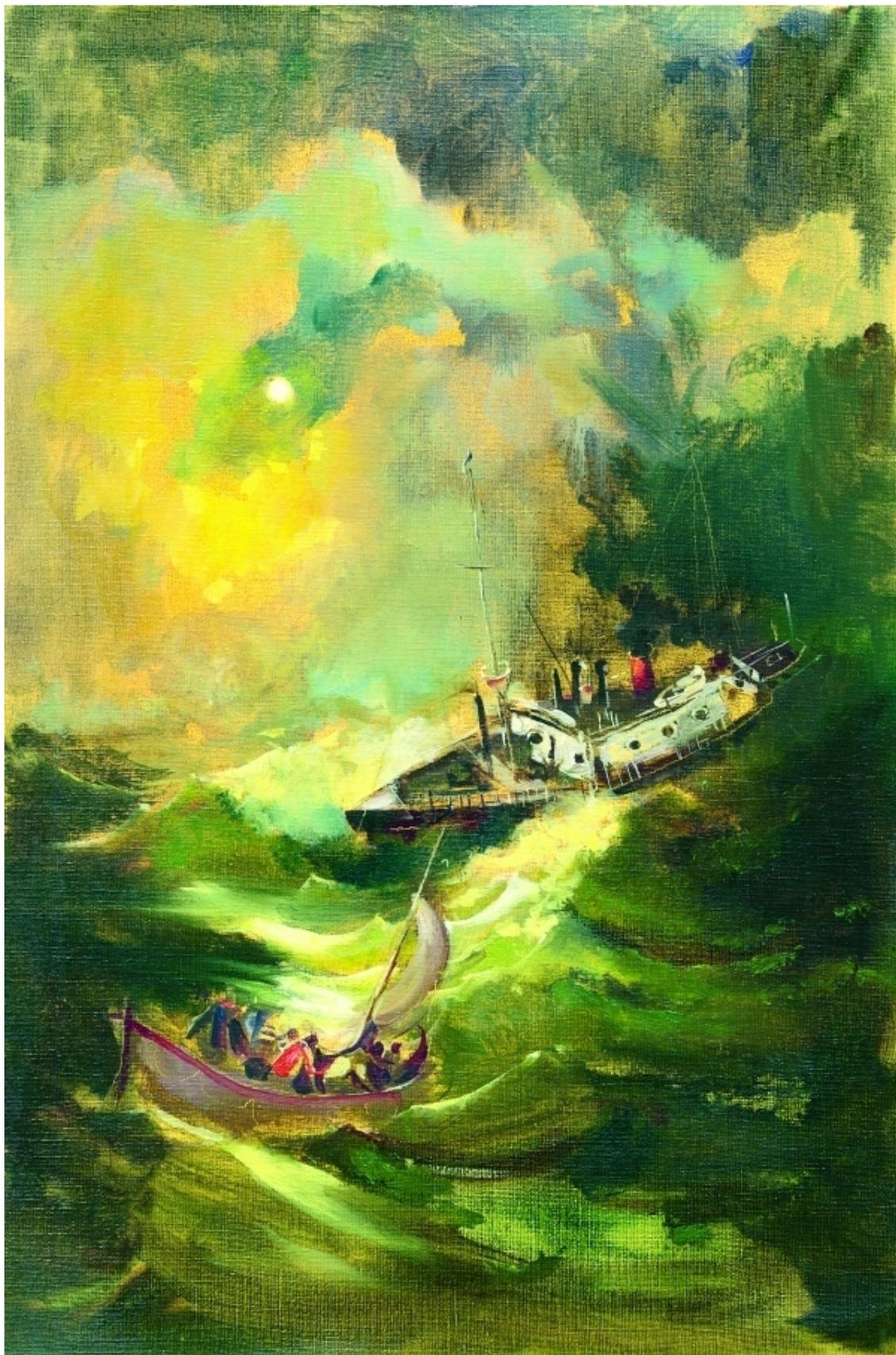
Превозмогая усталость и слабость, цепляясь за стены, Симпкинс пошёл к двери. Он был смертельно испуган, но старался скрыть это от спутника.

– Гатлинг! Там что-то случилось. Я иду посмотреть. Простите, но я должен запереть вас! – прокричал Симпкинс.

Гатлинг презрительно посмотрел на сыщика и ничего не ответил.

Качка продолжалась, но даже при этой качке можно было заметить, что пароход медленно погружается носовой частью.

Через несколько минут в дверях появился Симпкинс. С его дождевого плаща стекали потоки воды. Лицо сыщика было искажено ужасом, которого он уже не пытался скрыть.

– Катастрофа... Мы тонем... Пароход получил пробоину... Хотя толком никто ничего не знает... Приготавливают шлюпки... отдан приказ надевать спасательные пояса... Но ещё никого не пускают садиться в шлюпки. Говорят, корабль имеет какие-то там переборки, может быть,

ещё и не утонет, если там что-нибудь такое сделают, чёрт их знает что... А пассажиры дерутся с матросами, которые отгоняют их от шлюпок... Но мне-то, мне-то что прикажете делать? – закричал он, набрасываясь на Гатлинга с таким видом, будто тот был виновником всех его злоключений. – Мне-то что прикажете делать? Спасаться самому и следить за вами? Мы можем оказаться в разных шлюпках, и вы, пожалуй, сбежите.

– А это вас разве не успокаивает? – с насмешкой спросил Гатлинг, показывая цепочку, которой он был прикован.

– Не могу же я остаться с вами, чёрт побери.

– Словом, вы хотите спасти себя, меня и те десять тысяч долларов, которые вам обещали за мою поимку? Весьма сочувствую вашему затруднительному положению, но ничем не могу помочь.

– Можете, можете... Слушайте, голубчик, – и голос Симпкина стал заискивающим. Симпкин весь съёжился, как нищий, вымаливающий подаяние. – Дайте слово... дайте только слово, что вы не сбежите от меня на берегу, и я сейчас же отомкну и сниму с вашей руки цепь... дайте только слово. Я верю вам.

– Благодарю за доверие. Но никакого слова не дам. Впрочем, нет: сбегу при первой возможности. Это слово могу дать вам.

– О!.. Видали вы таких?.. А если я оставлю вас здесь, упрямец? – И, не ожидая ответа, Симпкин бросился к двери. Цепляясь, карабкаясь и падая, он выбрался по крутой лестнице на палубу, которая, несмотря на ночь, была ярко освещена дуговыми фонарями. Его сразу хлестнуло дождевой завесой, которую трепал бурный ветер. Корма корабля стояла над водой, нос заливали волны. Симпкин осмотрел палубу и увидел, что дисциплина, которая ещё существовала несколько минут тому назад, повергнута, как лёгкая преграда, бешеным напором того первобытного животного чувства, которое называется инстинктом самосохранения. Изысканно одетые мужчины, ещё вчера с галантной любезностью оказывавшие дамам мелкие услуги, теперь топтали тела этих дам, пробивая кулаками дорогу к шлюпкам. Побеждал сильнейший. Звук сирены сливался с нечеловеческим рёвом обезумевшего стада двуногих зверей. Мелькали раздавленные тела, растерзанные трупы, клочья одежды.

Симпкин потерял голову, горячая волна крови залила мозг. Было мгновение, когда он сам готов был ринуться в свалку. Но мелькнувшая даже в это мгновение мысль о десяти тысячах долларов удержала его. Кубарем скатился он по лестнице, влетел в каюту, упал, прокатился к двери, ползком добрался до коек и молча, дрожащими руками стал размыкать цепь.

– Наверх! – Сыщик пропустил вперед Гатлинга и последовал за ним.

Когда они выбрались на палубу, Симпкин закричал в бессильном бешенстве: палуба была пуста. На громадных волнах, освещённых огнями иллюминаторов, мелькали последние шлюпки, переполненные людьми. Нечего было и думать добраться до них вплавь.

Борта шлюпок были облеплены руками утопавших. Удары ножей, кулаков и вёсел, револьверные пули сыпались со шлюпок на головы несчастных, и волны поглощали их.

– Всё из-за вас! – закричал Симпкин, трясая кулаком перед носом Гатлинга.

Но Гатлинг, не обращая на сыщика никакого внимания, подошёл к борту и внимательно посмотрел вниз. У самого парохода волны качали тело женщины. С последними усилиями она протягивала руки и, когда волны прибывали её к пароходу, тщетно пыталась уцепиться за железную обшивку.

Гатлинг сбросил плащ и прыгнул за борт.

– Вы хотите бежать? Вы ответите за это. – И, вынув револьвер, он направил его в голову Гатлинга. – Я буду стрелять при первой вашей попытке отплыть от парохода.

– Не говорите глупостей и бросайте скорей конец каната, идиот вы этакий! – крикнул в ответ Гатлинг, хватая за руку утопавшую женщину, которая уже теряла сознание.

– Он ещё и распоряжается! – кричал сыщик, неумело болтая концом каната. – Оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей!

Мисс Вивиана Кингман пришла в себя в каюте. Она глубоко вздохнула и открыла глаза. Симпкинс галантно раскланялся:

– Позвольте представиться: агент Джим Симпкинс. А это мистер Реджинальд Гатлинг, находящийся под моей опекой, так сказать...

Кингман не знала, как держать себя в компании агента и преступника. Кингман, дочь миллиардера, должна была делить общество с этими людьми. Вдобавок одному из них она обязана своим спасением, она должна благодарить его. Но протянуть руку преступнику? Нет, нет! К счастью, она ещё слишком слаба, не может двинуть рукой... ну, конечно, не может. Она шевельнула рукой, не поднимая её, и сказала слабым голосом:

– Благодарю вас, вы спасли мне жизнь.

– Это долг каждого из нас, – без всякой рисовки ответил Гатлинг. – А теперь вам нужно отдохнуть. Можете быть спокойны: пароход хорошо держится на воде и не потонет. – Дёрнув за рукав Симпкинса, он сказал: – Идём.

– На каком основании вы стали распоряжаться мною? – ворчал сыщик, следуя, однако, за Гатлингом. – Не забывайте, что вы – арестованный, и я всякую минуту могу на законном основании наложить ручные кандалы и лишить вас свободы.

Гатлинг подошёл вплотную к Симпкинсу и спокойно, но внушительно сказал:

– Послушайте, Симпкинс, если вы не перестанете болтать свои глупости, я возьму вас за шиворот, вот так, и выброшу за борт, как слепого котёнка, вместе с вашим автоматическим пистолетом, который так же намозолил мне глаза, как и вы сами. Понимаете? Уберите сейчас же в карман ваше оружие и следуйте за мной. Нам надо приготовить для мисс завтрак и разыскать бутылку хорошего вина.

– Чёрт знает что такое! Вы хотите сделать из меня горничную и кухарку? Чистить ей туфли и подавать булавки?

– Я хочу, чтобы вы меньше болтали, а больше делали. Ну, поворачивайтесь!

В водной пустыне

– Скажите, мистер Гатлинг, почему корабль не потонул? – спрашивала мисс Кингман, сидя с Гатлингом на палубе, вся освещённая утренним солнцем. Кругом, насколько охватывал глаз, расстилалась водная гладь океана, как изумрудная пустыня.

– Современные океанские пароходы, – отвечал Гатлинг, – снабжаются внутренними переборками или стенками. При пробоинах вода заполняет только часть парохода, не проникая дальше. И если разрушения не слишком велики, пароход может держаться на поверхности даже с большими пробоинами.

– Но почему же тогда пассажиры оставили пароход?

– Никто не мог сказать, выдержит ли пароход, чтобы держаться на поверхности. Посмотрите: форштевень ушёл в воду. Корма поднялась так, что видны лопасти винтов. Палуба наклонена под углом почти в тридцать градусов к поверхности океана. Не очень-то удобно ходить по этому косоугру, но это всё же лучше, чем барахтаться в воде. Мы ещё дёшево отделались. На пароходе имеются громадные запасы провианта и воды. И если нас не слишком отнесло от океанских путей, мы можем скоро встретить какое-нибудь судно, которое подберёт нас.

Однако шли дни за днями, а голубая пустыня оставалась всё так же мертва.

Симпкинс проглядел глаза, всматриваясь в морскую даль.

Потекли однообразные дни.

Мисс Кингман очень скоро вошла в роль хозяйки. Она хлопотала на кухне, стирала бельё, поддерживала порядок в столовой и «салоне» – небольшой уютной каюте, где они любили проводить вечера перед сном.

Трудный вопрос, как держать и поставить себя в новом, чужом для неё обществе, разрешился как-то сам собой. К Симпкинсу она относилась добродушно-иронически, с Гатлингом установились простые, дружеские отношения. Больше того, Гатлинг интересовал её загадочностью своей судьбы и натуры. Из чувства такта она не только никогда не спрашивала Гатлинга о его прошлом, но не допускала, чтобы и Симпкинс говорил об этом, хотя Симпкинс не раз пытался, в отсутствие Гатлинга, рассказать о его страшном «преступлении».

Они охотно беседовали друг с другом по вечерам, при закате солнца, покончив со своим маленьким хозяйством. Симпкинс торчал на своей сторожевой вышке, ища дымок парохода, как вестник спасения, профессионального триумфа и обещанной награды.

Из этих разговоров мисс Кингман могла убедиться, что её собеседник образован, тактичен и воспитан. Беседы с остроумной мисс Кингман, по-видимому, доставляли и Гатлингу большое удовольствие. Она вспоминала своё путешествие по Европе и смешила его неожиданными характеристиками виденного.

– Швейцария? Это горное пастбище туристов. Я сама объездила весь свет, но ненавижу этих жвачных двуногих с Бэдэкером вместо хвоста. Они изжевали глазами все красоты природы.

Везувий? Какой-то коротыш, который пыхтит дрянной сигарой и напускает на себя важность. Вы не видели горной цепи Колорадо? Хэс Пик, Лонс Пик, Аранхо Пик – вот это горы. Я уже не говорю о таких гигантах, как Монт Эверест, имеющий восемь тысяч восемьсот метров высоты. Везувий по сравнению с ними щенок.

Венеция? Там могут жить одни лягушки. Гондольер повёз меня по главным каналам, желая показать товар лицом, все эти дворцы, статуи и прочие красоты, которые позеленели от сырости и глазастых англичанок. Но я приказала, чтобы он вёз меня на один из малых каналов, – не знаю, верно ли я сказала, но гондольер меня понял и после повторного приказания неохотно направил гондолу в узкий канал. Мне хотелось видеть, как живут сами венецианцы. Ведь это ужас. Каналы так узки, что можно подать руку соседу напротив. Вода в каналах пахнет

плесенью, на поверхности плавают апельсиновые корки и всякий сор, который выбрасывают из окон. Солнце никогда не заглядывает в эти каменные ущелья. А дети, несчастные дети! Им негде порезвиться. Бледные, рахитичные, сидят они на подоконниках, рискуя упасть в грязный канал, и с недетской тоской смотрят на проезжающую гондолу. Я даже не уверена, умеют ли они ходить.

– Но что же вам понравилось в Италии?..

Тут разговор их был прерван самым неожиданным образом:

– Руки вверх!

Они оглянулись и увидели перед собой Симпкина с револьвером, направленным в грудь Гатлинга.

Сыщик уже давно прислушивался к их разговору, ожидая, не проговорится ли Гатлинг о своём преступлении. Убедившись в невинности разговора, Симпкинс решил выступить в новой роли – «предупредителя и пресекателя преступлений».

– Мисс Кингман, – начал он напыщенно, – мой служебный долг и долг честного человека предупредить вас об опасности. Я не могу больше допускать эти разговоры наедине. Я должен предупредить вас, мисс Кингман, что Гатлинг – опасный преступник. И опасный прежде всего для вас, женщин. Он убил молодую леди, опутав её сначала сетью своего красноречия. Убил и бежал, но был пойман мною, Джимом Симпкином, – закончил он и с гордостью смотрел на произведённый эффект.

Нельзя сказать, что эффект получился тот, которого он ожидал.

Мисс Кингман действительно была смущена, взволнована и оскорблена, но скорее его неожиданным и грубым вторжением, чем речью.

А Реджинальд Гатлинг совсем не походил на убитого разоблачением преступника. С обычным спокойствием он подошёл к Симпкину. Несмотря на наведённое дуло, вырвал после короткой борьбы и отбросил в сторону револьвер, тихо сказав:

– Вам, очевидно, ещё мало десяти тысяч долларов, обещанных вам за удовольствие некоторых лиц видеть меня посаженным на электрический стул. Только присутствие мисс удерживает меня разделаться с вами по заслугам!

Ссору прекратила мисс Кингман.

– Дайте мне слово, – сказала она, подходя к ним и обращаясь больше к Симпкину, – чтобы подобных сцен не повторялось. Обо мне не беспокойтесь, мистер Симпкинс, я не нуждаюсь в опеке. Оставьте ваши счёты до того времени, пока мы не сойдём на землю. Здесь нас трое – только трое среди беспредельного океана. Кто знает, что ждёт нас ещё впереди? Быть может, каждый из нас будет необходим для другого в минуту опасности. Становится сыро, солнце зашло. Пора расходиться. Спокойной ночи!

И они разошлись по своим каютам.

Саргассово море

Джим Симпкинс спал плохо в эту ночь. Он ворочался на койке в своей каюте и к чему-то прислушивался. Ему всё казалось, что Гатлинг где-то поблизости, подкрадывается, чтобы расправиться с ним, отомстить, быть может убить. Вот чьи-то шаги, где-то скрипнула дверь... Сыщик в ужасе сел на койку.

– Нет, всё тихо, померещилось... Ой, чёрт возьми, какая душная ночь! И потом – комары и москиты не дают покоя. Откуда могла взяться вся эта крылатая нечисть среди океана? Или я брежу, или мы близко от земли? Не пойти ли освежиться?

Симпкинс уже не первую ночь ходил освежаться в трюм парохода, где находились запасы консервов и вина.

Он благополучно добрался до места, пробираясь ощупью впотьмах по знакомым переходам, и уже глотнул хороший глоток рома, как вдруг услышал какой-то странный шорох.

В этом лабиринте трудно было определить, откуда слышались эти звуки. У Симпкинса похолодело в груди.

– Ищет. Нечего сказать, хорошая игра в прятки. Только бы он не нашёл до утра. А там придётся просить заступничества мисс Кингман. – И он стал, затаив дыхание, пробираться в дальний угол трюма, почти у самой обшивки. Именно там, за обшивкой, вдруг послышался шорох, как будто какое-то неведомое морское чудовище, выплывшее со дна моря, тёрлось шершавой кожей о борт парохода. Таинственные звуки стали слышнее. И вдруг Симпкинс почувствовал, как от мягкого толчка колыхнулся весь пароход. Ни волны, ни подводные камни не могли произвести такого странного колебания. Вслед за этим толчком последовало ещё несколько, вместе с каким-то глухим уханьем.

Симпкинса охватил ледяной ужас далёких животных предков человека: ужас перед неизвестным. Горе тому, кто не сумеет сразу побороть этот ужас: слепые инстинкты гасят тогда мысль, парализуют волю, самообладание.

Симпкинс почувствовал, как холодом пахнуло в затылок и волосы на голове поднялись. Ему казалось, что он ощущает напряжение каждого волоса. С диким рёвом бросился он, спотыкаясь и падая, вверх, на палубу.

Навстречу ему шёл Гатлинг. Симпкинс, забыв обо всём, кроме страха перед неизвестным, чуть не бросился в объятия того, от которого только что спасался, как мышь в норе.

– Что это? – спросил он каким-то шипящим свистом (нервные спазмы сдавили его горло) и схватил Гатлинга за руку.

– Я знаю не больше вашего... Пароход мягко качнулся на бок, потом опустилась носовая часть и вновь поднялась. Я наскоро оделся и вышел посмотреть.

Луна ярко освещала часть палубы. Пострадавшая во время аварии носовая часть парохода была погружена в воду, и палуба здесь лежала почти на уровне воды.

Симпкинс остался выше, следя за Гатлингом, который осмотрел всю носовую часть палубы.

– Странно, странно... Спуститесь же сюда, Симпкинс, не будьте трусом.

– Благодарю вас, но мне и отсюда хорошо видно.

– Симпкинс, это вы? Что там случилось?

– Мисс Кингман, прошу вас сойти сюда, – сказал Гатлинг, увидав Вивиану, спускавшуюся вниз по палубе.

Она подошла к Гатлингу, а следом за ней осмелился спуститься и Симпкинс. Присутствие девушки успокоило его.

– Полюбуйтесь, мисс!

В ярких лучах луны палуба ярко белела. И на этом белом фоне виднелись тёмные пятна и следы. Будто какое-то громадное животное вползло на палубу, сделало полукруг и свалилось с правого борта, сломав, как соломинку, железные прутья перил.

– Обратите внимание: это похоже на след от тяжёлого брюха, которое волочило по палубе. А по бокам – следы лап или, скорее, плавников. Нас посетило какое-то неизвестное чудовище.

Симпкину опять стало страшно, и он незаметно стал пятиться по покатою палубе.

– А это что за сор? Какие-то растения, очевидно, оставленные неизвестным посетителем? – И мисс Кингман подняла с пола водоросль.

Гатлинг внимательно осмотрел водоросль и неодобрительно покачал головой.

– Саргассум, группы бурых водорослей... Да, сомнения нет! Это саргассовы водоросли. Вот куда занесло нас. Чёрт возьми! Дело приобретает плохой оборот. Нам надо обсудить положение.

И все трое поднялись на верхнюю палубу. Опасность сблизил их. Симпкинс махнул рукой на свои «права»: он понял, что только знания, опыт и энергия Гатлинга могли спасти их.

Больше всего сыщика беспокоило неизвестное чудовище. Какой-то саргассовой водоросли он не придал значения.

– Что вы думаете, Гатлинг, о нашем непрошеном госте? – спросил Симпкинс, когда все уселись на плетёные стулья.

Гатлинг пожал плечами, продолжая крутить в руке водоросль.

– Это не спрут, не акула и не какой-нибудь другой из известных обитателей моря... Возможно, что здесь, в этом таинственном уголке Атлантического океана, живут неведомые нам чудовища, какие-нибудь плезиозавры, сохранившиеся от первобытных времён.

– А вдруг они вылезут из воды и станут преследовать нас?

– Мы должны быть готовы ко всему. Но, признаюсь, меня беспокоят не столько неизвестные чудовища, как вот этот листок. – И он показал листок водоросли. – Пароход всё-таки слишком велик и крепок, даже для этих неизвестных гигантов подводного мира. Им не проникнуть и в наши тесные каюты. Наконец, у нас есть оружие. Но какое оружие может победить вот это? – И он опять показал на водоросль.

– Что же страшного в этом ничтожном листке? – спросил Симпкинс.

– То, что мы попали в область Саргассова моря, таинственного моря, которое расположено западнее Корво – одного из Азорских островов. Это море занимает площадь в шесть раз больше Германии. Оно всё сплошь покрыто густым ковром водорослей. «Водоросль» по-испански – «саргасса», отсюда и название моря.

– Как же это так: море среди океана? – спросила мисс Кингман.

– Вот этот вопрос не решили ещё и сами учёные. Как вам должно быть известно, тёплое течение Гольфстрим направляется из проливов Флориды на север к Шпицбергену. Но на пути это течение разделяется, и один рукав возвращается на юг, до Азорских островов, идёт к западным берегам Африки и наконец, описав полукруг, возвращается к Антильским островам. Получается тёплое кольцо, в котором и находится холодная, спокойная вода – Саргассово море. Посмотрите на океан!

Все оглянулись и были поражены: поверхность океана лежала перед ними неподвижной, как стоячий пруд. Ни малейшей волны, движения, плеска. Первые лучи восходящего солнца осветили это странное, застывшее море, которое походило на сплошной ковёр зелено-ватобледных водорослей.

– Не хочу пугать вас, Симпкинс, но горе кораблю, попавшему в эту «банку с водорослями», как назвал Саргассово море Колумб. Винт, если он у нас и был бы в исправности, не мог бы работать: он намотал бы водоросли и остановился. Водоросли задерживают ход парусного судна, не дают возможности и грести. Словом, они цепко держат свою жертву.

– Что же будет с нами? – спросил Симпкинс.

– Возможно, то же, что и с другими. Саргассово море называют кладбищем кораблей. Редко кому удаётся выбраться отсюда. Если люди не умирают от голода, жажды или жёлтой лихорадки, они живут, пока не утонет их корабль от тяжести наросших полипов или течи. И море медленно принимает новую жертву.

Мисс Кингман слушала внимательно.

– Ужасно! – прошептала она, вглядываясь в застывшую зелёную поверхность.

– Мы, во всяком случае, находимся в лучших условиях, чем многие из наших предшественников. Пароход держится хорошо. Может быть, нам удастся починить течь и выкачать воду. Запасов продуктов хватит для нас троих на несколько лет.

– Лет! – вскричал Симпкинс, подпрыгнув на стуле.

– Да, дорогой Симпкинс, возможно, что несколько лет вам придётся ожидать обещанной награды. Мужайтесь, Симпкинс.

– Плевать я хотел на награду, только бы мне выбраться из этого проклятого киселя!

...Потянулись однообразные, томительные, знойные дни. Тучи каких-то неизвестных насекомых стояли над этим стоячим болотом. Ночью москиты не давали спать. Иногда туман ложился над морем погребальной пеленой.

К счастью, на пароходе была хорошая библиотека. Мисс Кингман много читала. По вечерам все собирались в большом роскошном салоне. Вивиана пела и играла на рояле. И всё чаще Симпкинс стал являться на эти вечерние собрания с бутылкой вина: с горя он запил.

Гатлингу пришлось запереть на ключ винные погреба. Симпкинс пробовал возражать, но Гатлинг был неумолим.

– Не достаёт того, чтобы нам пришлось ещё возиться с больным белой горячкой. Поймите же, нелепый вы человек, что вы скоро погибнете, если вас не остановить.

Симпкинсу пришлось покориться.

В царстве мёртвых

Казалось, что пароход стоит неподвижно. Но, по-видимому, какое-то медленное течение увлекало его на середину Саргассова моря: всё чаще стали встречаться на пути полусгнившие и позеленевшие обломки кораблей. Они появлялись как мертвецы, с обнажёнными «рёбрами»-шпангоутами и сломанными мачтами, некоторое время следовали за кораблём и медленно уплывали вдаль. Ночами Симпкина пугали «привидения»: из зелёной поверхности моря появлялись вдруг какие-то столбы бледного тумана, напоминавшие людей в саванах, и медленно скользили, колыхались и таяли... Это вырывались испарения в тех местах, где в сплошном ковре водорослей находились «попыньи».

В одну из лунных ночей какой-то полуразрушенный бриг голландской постройки близко подошёл к пароходу. Он был окрашен в чёрный цвет с яркой позолотой. Его мачта и часть бульварков были снесены, брашпиль разбит.

Со смешанным чувством любопытства и жути смотрела Вивиана на этот мёртвый корабль. Быть может, это их будущее; настанет время – и их пароход будет так же носиться по морю, не оживлённый ни одним человеческим существом. И вдруг она вскрикнула:

– Смотрите, смотрите, Гатлинг!

Прислонившись к сломанной мачте, там стоял человек в красной шапке. В лучах яркой луны на тёмном, почти чёрном лице сверкали зубы. Он улыбался, улыбался во весь рот. У ног его лежала бутылка.

Сознание, что они не одни, что в этой зелёной пустыне есть ещё одно живое человеческое существо, взволновало всех. Симпкин и Гатлинг громко крикнули и замахали руками.

Человек в красной шапке, всё так же улыбаясь, махнул рукой, но как-то странно, будто показав что-то позади себя. И рука сразу опустилась, как плеть. Луна зашла за облако, и человека уже не стало видно. Но бриг подплывал всё ближе к пароходу.

Наконец бриг уже почти вплотную подошёл к борту корабля. В этот момент луна взошла и осветила странную и жуткую картину.

К обломку мачты был привязан скелет. Лохмотья одежды ещё сохранились на нём. Уцелевшие кости рук болтались на ветру, но остальные уже давно выпали из плечевых суставов и валялись на полу палубы. Кожа на лице сохранилась, иссушённая горячим солнцем. На этом пергаментном лице сверкала улыбка черепа. Полуистлевшая красная шапка покрывала его макушку.

Один момент, и Гатлинг прыгнул на палубу брига.
– Что вы делаете, Гатлинг? Бриг может отойти от парохода. Тогда вы погибли.
– Не беспокойтесь, мисс, я успею. Здесь есть что-то интересное.

Гатлинг подбежал к скелету, схватил запечатанную бутылку и прыгнул на палубу парохода в тот момент, когда бриг отошёл уже почти на метр.

– Сумасшедший! – встретила Гатлинга побледневшая мисс Кингман, радуясь его благополучному возвращению. – Ну, ради чего в самом деле вы так рисковали? – спросила Вивиана, глядя на бутылку. – Этого добра у нас достаточно.

– А вот посмотрим. – Гатлинг отбил горлышко бутылки и извлёк полуистлевший листок синеватой бумаги. Выцветшие, почти рыжие буквы ещё можно было разобрать.

Очевидно, гусиным пером, со странным росчерком и завитушками, было написано:

«Кто бы ты ни был, христианин или неверный, в чьи руки попадёт сия бутылка, прошу и заклинаю тебя исполнить мою последнюю волю. Если меня найдёшь, после смерти моей, на бриге, возьми деньги, что лежат в белом кожаном мешке, в капитанской каюте 50 000 гульденов золотом. Из них 10 000 гульденов себе возьми, а 40 000 гульденов передай жене моей, Марте Тессель, в Амстердаме, Морская улица, собственный дом. А если потонет бриг, а бутылку одну найдёшь в море, перешли ей, Марте Тессель, жене моей, моё последнее приветствие. Пусть простит меня, если огорчал её в чём... Все наши умерли... Весь экипаж до матроса... Кар, Губерт... первые... Я один жив, пока. Неделю... без пищи... привяжусь к мачте... кто заметит... Прощайте... Густав Тессель. Бриг „Марта“, 1713 года. Сентября 15 дня».

Когда Гатлинг кончил читать, наступило молчание.

– Как это жутко и странно! Мы получили поручение от мертвеца передать привет его жене, которая уже двести лет как в могиле... – И, вздрогнув, мисс Кингман добавила: – Сколько ужасных тайн хранит это море!

– Пятьдесят тысяч гульденов, – думал вслух Симпкинс, провожая глазами удалявшийся бриг. – Сколько же это будет по курсу на сегодняшнее число?..

Часть вторая

Тихая пристань

– Земля! Земля! Мисс Кингман! Гатлинг! Идите сюда скорее. Мы приближаемся к какой-то гавани. Видны уже верхушки мачт и трубы пароходов. Вон там. Смотрите туда... левее!

Гатлинг посмотрел в подзорную трубу.

– Открытая вами гавань имеет чертовски странный вид, Симпкинс. Эта «гавань» тянется на много миль: мачты и трубы и опять мачты... Но обратите внимание: ни одна труба не дымит, а мачты... Их оснастка, паруса?... Посмотрите, мисс Кингман. – И Гатлинг передал ей подзорную трубу.

– Да, это скорее какое-то кладбище кораблей! – воскликнула Вивиана. – Мачты и трубы изломаны, от парусов остались одни клочья. И потом... где же земля? Я ничего не понимаю...

– Нельзя сказать, чтоб и для меня всё было понятно, мисс, – ответил Гатлинг, – но я думаю, что дело обстоит так: в Саргассовом море, в этом стоячем болоте, очевидно, есть свои течения, хотя и очень замедленные водорослями. Очевидно, мы попали в одно из этих течений, которое, увы, и привело нас к этой «тихой пристани». Вы посмотрите, в какую «гавань» входим мы. Вот кто встречает нас. – И он жестом показал вокруг.

Чем ближе подходил пароход к необычной гавани, тем чаще встречались на пути печальные обломки кораблей. Здесь были разбитые, искалеченные, полустгнившие суда всех стран и народов. Вот пироба из целого куска дерева... А вот один скелет рыбацкого барка: наружная обшивка обвалилась, шпангоуты торчали, как обнажённые рёбра, и килевая часть походила на рыбий спинной хребет... Ещё дальше виднелись более или менее сохранившиеся суда: барки, шхуны, тендеры, фрегаты, галеры... Ржавый современный пароход стоял бок о бок с португальской каравеллой шестнадцатого века. Она имела красивые, изогнутые корабельные линии. Низкий борт возвышался затейливыми надстройками на носу и корме. Стержень руля проходил сквозь всю корму, по серединам бортов были отверстия для вёсел. «Санта Мария» – отчётливо виднелось на борту.

– Удивительно! – воскликнул Гатлинг. – Почти на таком же судне плыл Колумб, и одна из его каравелл также называлась «Санта Мария», две другие – «Пинта» и «Нина». А вот смотрите, – и дальзоркий Гатлинг прочитал на борту линейного корабля: – «Генри». Дальше, видите, трёхпалубное судно: «Суверен морей» и «1637 год» на его борту. А между ними колёсный пароход первой половины девятнадцатого века – не более пятидесяти метров длины.

Проход между судами становился всё уже. Несколько раз пароход останавливался, натыкаясь на крутые обломки, наконец остановился совершенно, подойдя вплотную к сплошной массе тесно прижатых друг к другу кораблей, как бы слившихся в своеобразный остров.

Спутники молчали. У всех было такое чувство, будто их заживо привезли на кладбище.
– Уж если судьба занесла нас сюда, надо познакомиться с этим необыкновенным островом. Симпкинс! Идём!
Симпкинс явно был не расположен пускаться в экскурсию по этому мрачному кладбищу.
– Какой смысл? – попытался он уклониться.

– Будьте же мужчиной, Симпкинс. Кто знает, что таит в себе этот остров? Может быть, здесь есть и обитатели.

– Привидения старых голландских мореплавателей?

– Это мы посмотрим. Во всяком случае, кто бы ни обитал здесь, лучше, если мы первые узнаем о них. Этот остров может стать нашей могилой, но, кто знает, быть может, здесь мы найдём и средство к спасению. Надо осмотреть суда: не окажется ли какое-нибудь ещё годным для плавания?

– Осмотреть суда! – Симпкинс вспомнил «Марту» с её 50 000 гульденами золотом. Он колебался. – Но как оставим мы одну мисс Кингман?

– Обо мне не беспокойтесь. Я не боюсь привидений, – ответила она.

– Мы вот что сделаем, мисс, – предложил Гатлинг, – положите в топку солому. Если вам будет грозить какая-нибудь опасность, подожгите солому; мы увидим дым, выходящий из трубы, и тотчас же поспешим на помощь. Идём.

Гатлинг перебрался на стоявшее рядом трёхмачтовое судно восемнадцатого века «Виктория». Симпкинс неохотно последовал за ним.

Они медленно продвигались в глубь острова.

Едва ли что-либо в мире могло быть печальнее зрелища этого громадного кладбища. Море хоронит погибшие корабли, земля – людей. Но это кладбище оставляло своих мертвецов открытыми, при полном свете горячего солнца. Приходилось ступать с большой осторожностью. Полуистлевшие доски дрожали под ногами. Каждую минуту путешественники рисковали провалиться в трюм. На этот случай каждый из них имел по верёвке, чтобы оказать помощь друг другу в нужную минуту. Перила обваливались. Обрывки парусов при одном прикосновении рассыпались в прах. Везде толстым слоем лежали пыль тления и зелень гниения... На многих палубах валялись скелеты, блестящие на солнце белизной костей или темневшие ещё сохранившейся кожей или лохмотьями одежды. По расположению скелетов, по проломленным черепам можно было судить о том, что обезумевшие перед смертью люди ссорились, бунтовали, бесцельно и жестоко убивали друг друга, кому-то мстя за страдания и погубленную жизнь. Каждый корабль был свидетелем великой трагедии, происходившей на нём пятьдесят, сто, двести лет тому назад.

Какой нечеловеческий ужас, какие страшные страдания должны были испытать живые обладатели выбеленных солнцем черепов, скаливших теперь зубы в страшной улыбке! И все они улыбались, улыбались до ушей...

Даже Гатлингу делалось жутко от этих улыбающихся оскалов, а Симпкинса трясла лихорадка.

– Уйдём отсюда, – просил он. – Я не могу больше!

– Подождите, вот там хорошо сохранившийся корабль. Интересно спуститься в каюты.

– По лестницам, которые обломятся под вашими ногами? – Симпкинс вдруг озлился. – Гатлинг! Я не сделаю больше ни шагу. Довольно. Прошу вас больше не командовать мною. Вы забыли о том, кто вы и кто я! Куда вы ведёте меня? Зачем? Чтобы сбросить где-нибудь в трюм и таким образом отделаться от меня без шума! О, я знаю: я мешаю вам.

Гатлинга взбесила эта речь.

– Замолчите, Симпкинс, или я в самом деле швырну вас за борт.

– Не так-то просто, – язвительно произнёс Симпкинс и, прислонившись к деревянному ограждению у борта, направил в Гатлинга дуло револьвера. Гатлинг быстро шагнул вперёд, но, прежде чем он схватил за руку Симпкинса, раздался выстрел и звук обрушившихся перил. Пуля пролетела над головой Гатлинга. В то же время он увидел, как Симпкинс, нелепо взмахнув руками, упал за борт вместе с обломками перегнивших перил. За бортом глухой плеск воды... тишина... потом фырканье Симпкинса. Гатлинг посмотрел за борт. Сыщик барахтался в зелёной каше водорослей. Водоросли свисали гирляндами с головы, опутывали руки, цепко

держали свою жертву. Симпкинс напряг все усилия, чтобы зацепиться за обшивку корабля. После целого ряда попыток это ему удалось. Но руки его устали, водоросли тянули вниз, ещё немного – и он пошёл бы ко дну.

Гатлинг отошёл от борта, сел на бочку и закурил трубку.

– Гатлинг, простите. Я был глупый осёл, – слышал Гатлинг голос Симпкинса, но продолжал молча дымить трубкой. – Гатлинг... спасите... Гатлинг!

Гатлинг подошёл к борту. Он колебался. Всё же человек просит о помощи. Но какой человек? Продажный сыщик, шпион, который не остановится даже после спасения сейчас же передать Гатлинга в руки властей, чтобы получить свои тридцать сребреников.

– Нет, нет. – И Гатлинг опять сел и начал усиленно дымить...

– Гатлинг, умоляю! Гатлинг! Гатлинг! – стонал Симпкинс.

Гатлинг усиленно дымил трубкой.

– Га-а-т... – И вдруг этот крик перешёл в какое-то захлёбывающееся рыдание.

Гатлинг скрипнул зубами, отбросил трубку и, раскрутив конец верёвки, кинул её утопавшему.

Последними усилиями Симпкинс схватил верёвку, но, как только Гатлинг начал тащить его, Симпкинс срывался: водоросли цепко держали его, в руках уже не было силы.

– Обвяжитесь верёвкой! – крикнул ему Гатлинг.

Симпкинс кое-как обвязался, закрутил узел и стал подниматься на палубу.

Стоя перед Гатлингом, Симпкинс был так взволнован, что только беспрерывно повторял: «Гатлинг!.. Гатлинг!.. Гатлинг!..» – и протягивал ему руку.

Гатлинг поморщился, но, посмотрев на искреннюю животную радость в глазах спасённого, добродушно улыбнулся и крепко пожал мокрую руку.

– Не могу вам выразить, Гатлинг...

– Стойте, – вдруг насторожился Гатлинг, быстро вырывая свою руку, – смотрите, на нашем пароходе дым из трубы. Мисс Кингман зовёт нас. Там что-то случилось. Бежим!

Обитатели островка

Оставшись одна, мисс Кингман принялась за приготовление завтрака. Она вычистила и зажарила пойманную Гатлингом рыбу, спустилась в трюм и взяла в складах провизии несколько апельсинов. Когда она, с корзиной в руках, поднялась на палубу, то увидела необыкновенную картину: за их обеденным столом – вернее, на столе и стульях – хозяйничали обезьяны. Они визжали, ссорились, бросались кексом и засовывали себе за щёки куски сахара. При появлении мисс Кингман они насторожились и с криком отступили к борту. Вивиана засмеялась и бросила им пару апельсинов. Это сразу установило дружеские отношения. Не без драки покончив с парой апельсинов, шимпанзе, приседая и гримасничая, подошли к мисс Кингман и стали смело брать плоды у неё из рук. Не было сомнения, что они привыкли к обществу людей.

И действительно, люди не заставили себя долго ждать.

Поглощённая забавными проделками неожиданных гостей, мисс Кингман не видела, как из-за борта парохода осторожно выглянули две головы. Убедившись, что на палубе нет никого, кроме женщины, неизвестные быстро перелезли через борт и, закинув ружья на плечи, стали приближаться к мисс Кингман.

Она вскрикнула от неожиданности, увидя эту пару.

Один из них – толстенький, коротенький человечек с бледным, несмотря на южное солнце, обрюзгшим, давно не бритым лицом – сразу поражал некоторыми контрастами костюма и всего внешнего облика. На его голове была шляпа-котелок, измятая, грязная, просвечивавшая во многих местах. Смокинг, несмотря на дыры и заплаты, всё ещё сохранял следы хорошего покроя. Но брюки имели самый жалкий вид, спускаясь бахромой ниже колен. Стоптаные лакированные туфли и изорванный фуляровый бант на шее дополняли наряд.

Другой – высокий, мускулистый, загорелый, с чёрной бородой, в широкополой мексиканской шляпе сомбреро, в тёмной рубашке, с голыми по локоть руками и в высоких сапогах – напоминал мексиканского овцевода. Движения его были быстры и резки.

– Бонжур, мадемуазель, – приветствовал мисс Кингман толстяк, раскланиваясь самым галантным образом. – Позвольте поздравить вас с благополучным прибытием на Остров Погибших Кораблей.

– Благодарю вас, хотя я не назвала бы моё прибытие благополучным... Что вам угодно?

– Прежде всего позвольте представиться: Аристид Додэ. Фамилия моя Додэ, да, да, Додэ. Я француз...

– Быть может, родственник писателю Альфонсу Додэ? – невольно спросила мисс Кингман.

– Э-э... не то чтобы... так... отдалённый... Хотя я имел некоторое отношение к литературе, так сказать... Крупнейшие бумажные фабрики и... обойные на юге Франции.

– Не болтай лишнего, Тернип, – мрачно и сердито произнёс его спутник.

– Как вы нетактичны, Флорес! Когда же я научу вас держаться в приличном обществе? И прошу не называть меня Тернип. Они, изволите ли видеть, назвали меня так в шутку, по причине моей головы, которая, как им кажется, напоминает репу... – И, сняв котелок, он провёл по голому желтоватому черепу, сохранившему, по странной игре природы, пучок волос на темени.

Мисс Кингман невольно улыбнулась меткому прозвищу.

– Но что же вам от меня надо? – опять повторила свой вопрос Вивиана.

– Губернатор Острова Погибших Кораблей, капитан Фергус Слейтон, издал приказ, которому мы должны слепо и неуклонно повиноваться: каждый вновь прибывший человек должен быть немедленно представлен ему.

– И уверяю вас, мисс или миссис, не имею чести знать, кто вы, вы встретите у капитана Слейтона самый радушный приём.

– Я никуда не пойду, – ответила мисс Кингман.

Тернип вздохнул.

– Мне очень неприятно, но...

– Будет тебе дипломата разыгрывать! – опять грубо вмешался Флорес и, подойдя к Вивиане, повелительно сказал: – Вы должны следовать за нами.

Мисс Кингман поняла, что сопротивление будет напрасным. Подумав несколько, она сказала:

– Хорошо. Я согласна. Но разрешите мне переодеться. – И она показала на свой рабочий костюм и фартук.

– Лишнее! – отрезал Флорес.

– Ведь это не займёт много времени, – обратился Тернип одновременно к Флоресу и мисс Кингман.

– О, всего несколько минут! – И она оставила палубу.

Через несколько минут Флорес заметил, что пароходная труба задымила. Он сразу понял военную хитрость.

– Проклятая баба перехитрила. Видишь дым? Это сигнал. Она зовёт кого-то на помощь! – И, снимая с плеча винтовку, он стал бранить Тернипа: – А всё ты! Растаял. Вот я скажу твоей старухе!

– Вы неисправимы, Флорес. Не могли же мы тащить силой беззащитную женщину.

– Рыцарство! Галантность! Вот тебе Фергус пропишет рыцарство... Не угодно ли? – И, взяв ружьё наперевес, он кивнул головой к борту, через который перепрыгивали Гатлинг и всё ещё мокрый Симпкинс, весь в зелёных водорослях, с прицепившимися к одежде крабами.

– Это ещё что за водяной?..

Начались переговоры. Гатлинг не побоялся бы померяться силами с этими двумя оборванцами. Но если они не врут, борьба ни к чему не приведёт: на Острове, как они уверяют, живёт целое население – сорок три хорошо вооружённых человека. Силы неравны – победа должна остаться на стороне их.

Оставив в залог Симпкинса, Гатлинг отправился обсудить положение с мисс Кингман.

Она также была согласна с тем, что борьба бесполезна. Было решено идти всем вместе «представляться» капитану Фергусу.

Губернатор Фергус Слейтон

На Острове Погибших Кораблей оказались довольно хорошие пути сообщения.

Перебравшись через старый трёхпалубный фрегат, Тернип, шедший впереди, вывел пленников «на дорогу»: это были мосты, переброшенные между кораблями и над провалившимся палубами. Вдоль этой дороги тянулась какая-то проволока, прикрепленная к небольшим столбам и сохранившимся мачтам.

– Сюда, сюда! Не оступитесь, мисс, – любезно обращался он к мисс Кингман. За ней следовали Гатлинг и Симпкинс. Мрачный Флорес, надвинув своё сомбреро до бровей, заключал шествие.

На полпути им стали встречаться обитатели, одетые в лохмотья, все обросшие, загорелые; белокурые жители севера, смуглые южане, несколько негров, три китайца... Все они с жадным любопытством смотрели на новых обитателей Острова.

Среди небольших парусных судов разных эпох и народов, в центре Острова, поднимался большой, довольно хорошо сохранившийся фрегат «Елизавета».

– Резиденция губернатора, – почтительно произнёс Тернип.

На палубе этой резиденции стояло нечто вроде почётного караула: шесть матросов с ружьями в руках, в одинаковых и довольно приличных костюмах.

Губернатор принял гостей в большой каюте.

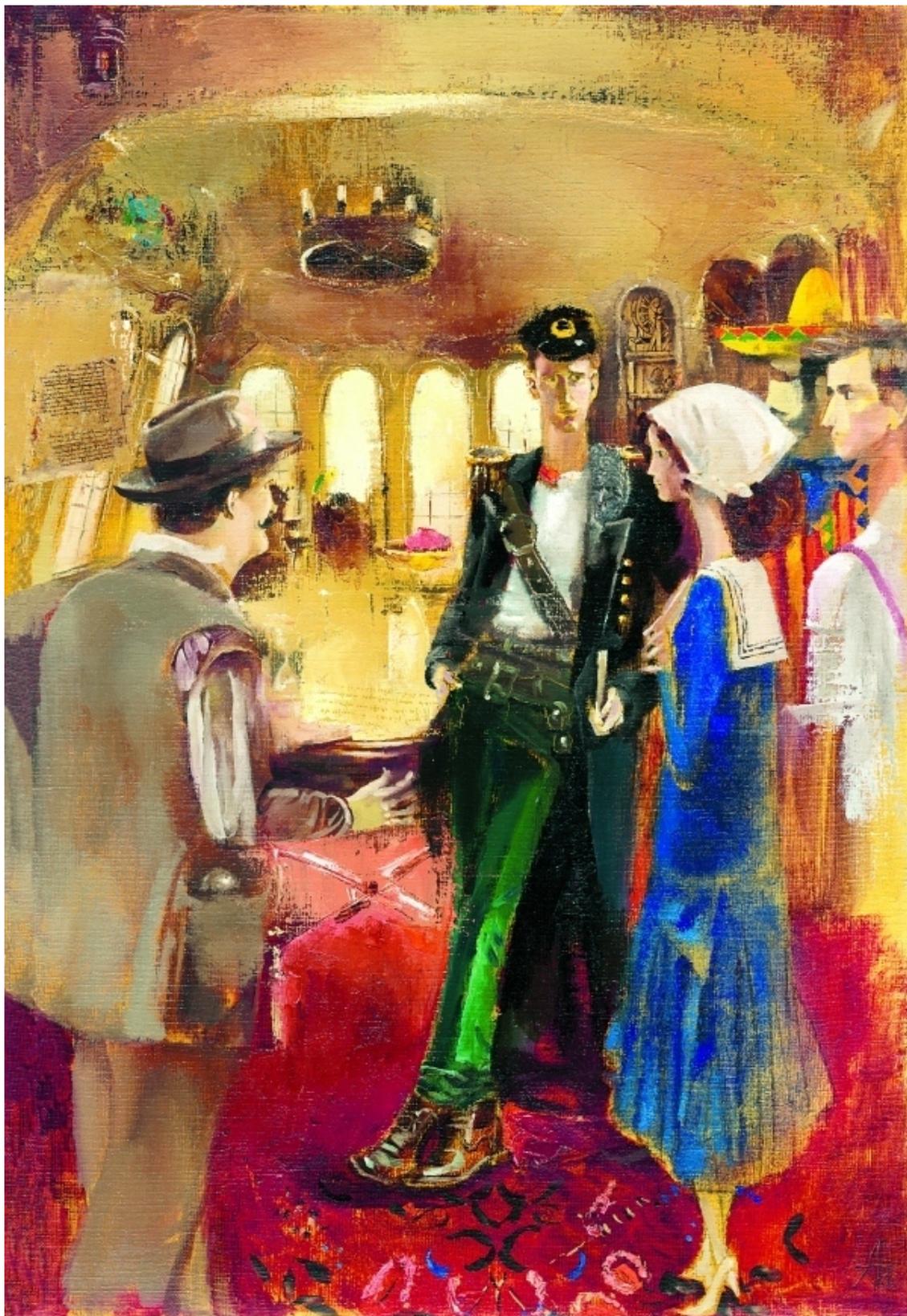
После наводящего уныние вида разрушенных кораблей эта каюта невольно поражала. Она имела вполне жилой вид и убрана была почти роскошно. Только некоторая пестрота стиля говорила о том, что сюда было стащено всё, что находили лучшего на кораблях, которые прибывало к этому странному Острову.

Дорогие персидские ковры устлали пол. На консолях стояло несколько хороших китайских ваз. Тёмные стены, с резными карнизами чёрного дуба, были увешаны прекрасными картинами голландских, испанских и итальянских мастеров: Веласкеса, Рибейра, Рубенса, Тициана, фламандского пейзажиста Тейньера. Тут же был этюд собаки, делающей стойку, и рядом, нарушая стиль, висела прекрасная японская картина, вышитая шёлком, изображавшая в стиле Гокпан журавля на осыпанном снегом суку дерева и конус горы Фудзияма.

На большом круглом столе стояли старинные венецианские гранёные вазы шестнадцатого века, французские бронзовые канделябры времён Директории и несколько редких розовых раковин. Тяжёлая резная мебель, обтянутая тиснёной свиной кожей, с золотыми ободками по краям, придавала каюте солидный вид.

Прислонясь к книжному шкафу, стоял «губернатор» Острова – капитан Фергус Слейтон. Он выгодно отличался от прочих обитателей крепким сложением, выхоленным, хорошо выбритым лицом и вполне приличным капитанским костюмом.

Несколько приплюснутый нос, тяжёлый подбородок, чувственный рот производили не совсем приятное впечатление. Серые холодные глаза его устремились на пришедших. Он молча и спокойно смотрел на них, как бы изучая их и что-то взвешивая. Это был взгляд человека, который привык распоряжаться судьбой людей, не обращая внимания на их личные желания, вкусы и интересы. Скользнув взглядом по Симпкинсу и, очевидно, не сочтя его достойным внимания, он долго смотрел на мисс Кингман, перевёл взгляд на Гатлинга и опять на Кингман...

Этот молчаливый осмотр смутил Вивиану и начал сердить Гатлинга.
– Позвольте представиться: Реджинальд Гатлинг, мисс Вивиана Кингман, мистер Джим Симпкинс. Пассажиры парохода «Вениамин Франклин», потерпевшего аварию.

Слейтон, не обращая внимания на Гатлинга, всё ещё продолжал смотреть на мисс Кингман. Затем он подошёл к ней, любезно поздоровался, небрежно протянул руку Гатлингу и Симпкинсу и пригласил сесть.

– Да, знаю, – проговорил он, – знаю.

Гатлинг был необычайно удивлён, когда Слейтон точно указал, где и когда их пароход потерпел аварию. Об этом никто из них не говорил островитянам.

Слейтон обращался почти исключительно к мисс Кингман.

– Если случай занёс вас на этот печальный Остров, мисс Кингман, то мы, островитяне, должны только благодарить судьбу за её прекрасный дар, – отпустил Слейтон тяжеловатый комплимент даже без улыбки на лице.

– Увы, я не склонна благодарить судьбу, которая так распорядилась мною, – отвечала мисс Кингман.

– Кто знает, кто знает? – загадочно ответил Слейтон. – Здесь не так плохо живётся, мисс, как может показаться с первого раза. Вы музицируете? Поёте?

– Да...

– Отлично. Великолепно. Здесь вы найдёте прекрасный эраровский рояль и богатую нотную библиотеку. Книг тоже хватает. Среди наших островитян есть интересные люди. Вот хотя бы этот Тернип. Правда, он порядочно опустил, но он много видел, много знает и когда-то занимал хорошее положение. Теперь он смешон, но всё же интересен. Потом Людерс, немец. Это наш историк и учёный. Он изучает историю кораблестроения, ведь наш Остров – настоящий музей, не правда ли?

– Историю кораблестроения? Это интересно, – сказал Гатлинг.

– Это имеет отношение к вашей специальности? – небрежно спросил Слейтон, посмотрев на него сощурированными глазами.

– Да, я инженер по кораблестроению, – ответил Гатлинг.

Мисс Кингман удивлённо посмотрела на него. Она и не знала об этом.

– Ну вот и у вас будет интересный собеседник, мистер...

– Гатлинг.

– Мистер Гатлинг... Людерс собрал интереснейшую библиотеку из корабельных журналов и посмертных записок всех умерших на окружающих нас кораблях. Ну... этот материал я не советую читать... Правда, его хватило бы на десяток романистов, но слишком мрачно, слишком. Саргассово море покажется вам, после чтения этой библиотеки, одним из кругов дантовского Ада.

– А что, на этих кораблях, вероятно, много и... редкостей всяких находили? – вставил слово и Симпкинс.

Слейтон более внимательно посмотрел на Симпкинса и, отметив в памяти какое-то наблюдение или вывод, ответил:

– Да, есть и... – он нарочно сделал такую же паузу, как и Симпкинс, – редкости. У нас целый музей. Я покажу его вам как-нибудь, если вы интересуетесь редкостями. Но чего нам, к сожалению, недостаёт, – обратился Слейтон опять к мисс Кингман, – так это женского общества. Со смертью моей покойной жены, – Слейтон вздохнул, – на Острове осталось только две женщины: Мэгги Флорес и Ида Додэ, или Тернип, как зовут у нас её мужа. Это старая, почтенная женщина. Я предоставлю вас её заботам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.